

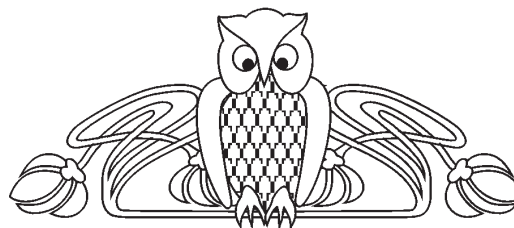

УДК 316.613

ИСТОРИЯ ФЕНОМЕНОЛОГИЧЕСКОЙ СОЦИОЛОГИИ В ЯПОНИИ

Ю. В. Ставропольский

Саратовский государственный университет
E-mail: StJulius@yansdex.ru

В статье рассматриваются основные этапы развития феноменологической социологии в Японии. Особое внимание обращается на социологические концепции основных представителей феноменологического направления в японской социологии.

Ключевые слова: феноменология, социология, интенциональность, intersубъектность, сознание, действие, критика.

History of Phenomenological Sociology in Japan

Yu. V. Stavropolsky

This feature deals with the main periods of the phenomenological sociology development in Japan. Particular attention has been paid to sociological conceptions of the main representatives of the phenomenological trend within the Japanese sociology.

Key words: phenomenology, sociology, intentionality, intersubjectivity, consciousness, action, criticism.

Проследив историю феноменологической социологии в Японии, нельзя пройти мимо таких японских социологов, как Масамити Симмэй (Sinmei) (1898–1984), Дзисё Усуи (Usui) (1890–1991) и Кадзута Кураути (Kurauchi) (1896–1988). Все трое в большей или меньшей степени испытали на себе влияние веймарской либеральной культуры 1920-х гг. либо непосредственно, учась в Германии, либо косвенно, благодаря литературе того времени и своей страсти к чтению.

Немецкое влияние на японскую социологию начинается в 90-е гг. XIX вв., когда в эпоху Мэйдзи японское правительство стало отправлять большое количество студентов в Германию. Они должны были изучить прусскую модель государственного управления и впоследствии реализовать эту модель на родине. После Первой мировой войны и поражения Германии интерес к прусской консервативной модели уступил место интересу японцев к либеральной философии неокантианцев В. Дильтея и Г. Зиммеля. Это младшее поколение студентов стали называть поколением демократии тайсё (taisho). К этому поколению принадлежали М. Симмэй, Д. Усуи и К. Кураути.

Феноменологическую философию привёз в Японию выдающийся японский философ Кита-ро Нисида (Nishida), и до начала Второй мировой войны она занимала центральное место. В 1920 г. К. Нисида опубликовал книгу «Проблема сознания» («Ishiki no mondai») с посвящением Э. Гуссерлю. В полемике с Э. Гуссерлем, У. Джемсом, А. Бергсоном и другими западными фило-

софами К. Нисида разрабатывал собственную концепцию. На этом интеллектуальном фоне в Японии развивалась феноменологическая социология (Genshogakuteki shakaigaku), к концу 1920-х гг. приобретающая известность в стране. В 1928 г. М. Симмэй опубликовал статью «Формальная социология и феноменологическая социология», в которой присутствуют неоднократные ссылки на немецких феноменологических социологов М. Шелера, З. Кракауера, Т. Литта, Ф. Зандера, А. Фиркандта, А. Вальтера и Г. Вальтер. Это был первый в Японии систематический анализ немецкой феноменологической социологии. В том же году выходит его работа «О теории формальной социологии» («Keishikishakaigakuron»), свидетельствующая об энтузиазме молодого социолога, стремившегося привнести в японскую науку свежие зарубежные идеи.

Специалисты ставят обе публикации М. Симмэя в один ряд с работами таких авторов, как Л. фон Визе и Р. Арон. Не следует забывать, что Р. Арон, в отличие от М. Симмэя, имел возможность непосредственно наблюдать развитие немецкой социологии до прихода к власти нацистов. М. Симмэй разработал собственную социологическую концепцию, которую назвал Kouigenkan, что означает социологию, основанную на понятии связующего действия в качестве синтеза формы и содержания. Он пришёл к своей концепции благодаря критике формальной социологии Г. Зиммеля. С одной стороны, М. Симмэй придавал большое значение эмпирической социологии в том, что касается принятия идеи феноменологической социологии, с другой стороны, подчеркивал важность интуитивного метода и приложил руку к мистификации феноменологической социологии. Можно сказать, что М. Симмэй критиковал наивное применение эйдетического метода и преувеличение феноменологии в социологии. В опубликованной в 1939 г. книге «Основная проблема социологии» («Shakaigaku no kisomondai») он цитирует А. Шюца по поводу концепции действия М. Вебера и важности осмысления.

Д. Усуи высказал своё отношение к феноменологии и социологии в предисловии к своим «Эссе по социологии» («Shakaigaku ronshu»), опубликованным в 1964 г. В методологическом отношении феноменология его не удовлетворяла, но ученого зачаровывал и глубоко интересовал строгий и точный анализ тех образов и конституи-

рующих моментов сознания, которыми оперирует феноменология. Он первым в Японии занялся изучением М. Вебера, однако веберова теория идеальных типов его разочаровала, и постепенно он переключился на феноменологию Э. Гуссерля, в которой надеялся найти более определенное основание социологии.

В то время, когда Д. Усуи занялся социологией, в Японии отмечался расцвет не социологии, а философии. С одной стороны, приобрела широкую известность философия К. Нисиды, а с другой стороны, получила признание неокантианская философия. Кроме того, приобрел известность В. Дильтей, и феноменологию в конце концов заметили. Д. Усуи полагал, что, избрав для себя социологию, он не имеет права проходить мимо таких вопросов, как что такое социология и каким образом она возможна.

Д. Усуи изучал М. Вебера в семинаре К. Нисиды в университете Киото и под его руководством занимался переводом немецкого социолога на японский язык. Д. Усуи стремился, взяв в качестве основания социологии феноменологию, превратить социологию в точную науку. Одной из центральных проблем социологии он полагал анализ актов мышления или сознания. Попытки развития методологии М. Вебера с применением строгой феноменологической семантики, онтологии М. Хайдегера и философии К. Нисиды получили выражение в произведении «Понимание альтер-эго» («Тага но гуокай»), увидевшем свет в 1945 г. В каком-то смысле на протяжении 1930-х гг. Д. Усуи был занят решением той же принципиальной проблемы создания философского основания социологии, которой занимался в Вене А. Шюц. Однако ни в одной работе Д. Усуи нет упоминания об А. Шюце.

К. Кураути применил феноменологический метод к социологии культуры. Он утверждал важность личного опыта для социологического знания и заявлял, что социальное есть факт пережитого опыта (Erlebnis), на чём основана вся наша социальная жизнь. Без того, что дается в формах пережитого опыта, сущность общества познать невозможно. Разумеется, многообразные конкретные актуализации социальной жизни можно наблюдать помимо нас, но принципиальные положения и основополагающие структуры обязательно содержатся в структуре пережитого нами опыта. Поэтому при разработке принципиальных социологических понятий важно интуитивно отличать универсально значимые факты от конкретного жизненного опыта, добавляясь от несущественного. В социологии такой метод прижился лишь после того, как Э. Гуссерль создал чистую феноменологию,

К. Кураути следующим образом представлял отношение феноменологии к социологии. Социальные феномены отличаются от естественных феноменов благодаря явлению интенциональности. Например, когда человек меняет свое

отношение к чему-либо через изменение своего положения в обществе, когда образуется или распадается группа, когда некая политическая идея подталкивает общество в определенном направлении – всегда существуют процессы, отправной и конечной точкой которых оказывается сознание. Поскольку осмысленные феномены существуют лишь для такого субъекта, который способен их переживать, то социальные феномены должны непосредственно переживаться в соответствии с их интенциональным содержанием, а социологический порядок зиждется на закономерностях и формах проявления человеческого сознания. Необходимость обоснования социологии определяется свойствами, присущими сознанию, которые следует открыть подобно тому, как были открыты аксиомы геометрии. При каких условиях возможны подобные необходимые и универсально валидные переживания? Если необходимо открыть те феномены человеческой жизни, из которых образуются социальные отношения, то социологическое знание должно вернуться к интуиции, которая аподиктична. Объектами интуитивного понимания должны стать категориальные формы, избавленные от конкретных факторов с их эмпирическими примесями и до предела обобщенные. Здесь возникает идея формальной социологии. Тематики формальной социологии выступают, к примеру, обобщенные групповые категории, обобщенные социальные нормы, обобщенный социальный тип и т. п. Они относятся к верхнему уровню социологии, с которого возможен переход в сферу подлинной феноменологии. Поскольку социология ориентируется на выражение интенциональной жизни социализированных людей, то не существует коренной разницы между объектом социологии и объектом феноменологии. Всё социологическое знание основывается на формальной социологии, а формальная социология гарантирована феноменологическим пониманием базовой структуры сознания.

В разработке основания социологии К. Кураути следует за Э. Гуссерлем и расширяет пределы интуиции. Им разработаны структурный анализ «я»-опыта, взаимности перспектив, «я – ты», теория многомерной социальной реальности, временная структура общества, динамическая структура взаимно чуждых социальных групп.

Общим для М. Симмэя, Д. Усуи и К. Кураути является не только их интерес к феноменологической социологии. Все трое стремились выработать строгое научное основание социологии на базе феноменологических принципов, при этом каждый понимал феноменологию несколько иначе. Как уже отмечено, в этот период в Вене А. Шюц занимался решением точно такой же проблемы. Если бы состоялось знакомство с работами А. Шюца (хотя отрывочные ссылки на него имеются), то круг методологических проблем академического социологического сообщества в Японии в 1930-е гг. мог бы стать иным. Однако содержание и формы

философского основания социологии, выработанного А. Шюцем, остались незамеченными. Прошло почти полвека, пока работы его пришли в Японию через США!

В Японии феноменологическую социологию А. Шюца заметили в середине 1970-х гг. благодаря младшему поколению социологов, которых называли послевоенным поколением (*sengo sendai*). Большинство из них родилось после 1940 г. и получило образование в послевоенной демократической Японии. Тем временем большая часть японских учёных, занимавшихся социальными науками, исследовала проблемы современного им японского общества в целом, в первую очередь, политическую демократизацию, экономическую модернизацию, урбанизацию, индустриализацию, рационализацию и отчуждение. В 1964 г. в Токийском университете прошёл симпозиум, посвященный 100-летию М. Вебера, на котором подробно рассматривались отношения М. Вебер и К. Маркс, М. Вебер и Т. Парсонс, но прошли мимо М. Вебера и А. Шюца.

После окончания Второй мировой войны социологические исследования в Японии испытывали на себе сильнейшее влияние со стороны американской функционалистской социологии и европейской социологии в духе К. Маркса – М. Вебера и модернизма. Вплоть до конца 1960-х гг. в Японии изучался М. Вебер без обращения к А. Шюцу. Единственное исключение – монография Хидео Аоямы (*Aoyama*) 1950 г. «Социальная теория Макса Вебера» («*Max Weber no shakairiron*»).

В середине 1970-х гг. возникает радикальная социология как критическая реакция на объективистскую и функционалистскую социологию, но и она была заимствована в контексте американской социологии. Одновременно с попытками изменить функционалистскую парадигму социологии в японскую социологию проникает феноменологический подход. Говоря о феноменологической социологии как о новой парадигме, следует, прежде всего, обратить внимание на книгу П. Л. Бергера и Т. Лукманна «Социальное конструирование реальности», японский перевод которой – «*Nitijosekai no kousei*» – увидел свет в 1977 г. Эта книга позволила обобщить новую концепцию и метод. Привлекательность П. Л. Бергера и Т. Лукманна для молодых японских социологов объясняется тем, что эти авторы прямо выступили против традиционной социологии, опираясь на идеи Т. Парсонса, сформулированные в 1937 г. в «Структуре социального действия». Они поступили в отношении Т. Парсонса примерно таким же образом, каким он сам в своё время поступил с трудами великих предшественников: М. Вебера, Э. Дюркгейма, В. Парето и К. Маркса. Книга П. Л. Бергера и Т. Лукманна обращена не к отдельным положениям из трудов разных авторов, а представляет собой единую, систематически изложенную теорию. Поняв это, молодое поколение

устремилось в мир альтернативной социологии, социологии обыденной повседневности. Молодёжь, которая выросла в условиях экономического подъёма, сознательно или бессознательно стремилась освободиться от наследия предшественников, мечтавших о бесклассовом обществе, но не знала, как это сделать, а П. Л. Бергер и Т. Лукманн указали им путь.

В 1991 г. на японский язык переведена книга Ю. Хабермаса «К логике социального познания» («*Shakaigaku no ronrini yosete*»). Японский перевод несколько запоздал – в Германии книга была опубликована в 1967 г. Ю. Хабермас попытался обобщённо взглянуть на новые тенденции в философии социальных наук в Европе и США после Второй мировой войны. Ему удалось нарисовать картину современного состояния социальных наук и содействовать распространению новых обществоведческих концепций, в том числе феноменологической социологии. Однако успех книги Ю. Хабермаса привёл к непредумышленному упрощению рассматриваемых концепций, что не способствовало точности их понимания. Так, он опрометчиво ограничил пределы исследования феноменологической социологии анализом сознания.

Третьей публикацией в этой связи стала книга А. Шюца «Смысловая структура социального мира», японский перевод которой – «*Shakaiteki sekai no imikousei*» – вышел в свет в 1982 г. В 1998 г. в Японии её включили в список ста классических книг по социологии наряду с «Левиафаном» Т. Гоббса и «Социальной системой» Н. Луманна. Великолепный японский перевод избавляет читателя сразу от двух проблем, связанных с пониманием немецкого языка и феноменологии.

Благодаря этим трём книгам вектор японской социологической мысли начиная с 1970-х гг. перераспределёлся с американской функционалистской социологии на критическую социологию франкфуртской школы, на феноменологическую социологию и т. п.

В 1974 и 1975 гг. на заседаниях Японского социологического общества зачитывались доклады о различных аспектах концепции А. Шюца, впоследствии феноменологическая социология в Японии стала полностью идентифицировать себя с феноменологией А. Шюца.

В 1975 г. профессор Осацкого университета Сэцуо Ямагути (*Yamaguchi*) опубликовал статью «Феноменология и социология», которая стала одной из лучших социологических работ в 1970-е гг. в Японии. В статье рассмотрены новые направления в современной социологии и инициирована дискуссия по феноменологической социологии. С. Ямагути следующим образом характеризует изменение ситуации в социологии в данный период. Подобно тому, как Ренессанс Э. Гуссерля изменил мир философии, феноменологический подход изменяет мир социологии. Эта трансформация особенно заметна среди молодых американских

социологов. Феноменологический подход приобретает статус новой социологической ортодоксии. Сложно понять концепцию феноменологической социологии на абстрактном уровне. Она существует в науке во многих обликах: «феноменологическая социология», «экзистенциальная социология», «этнометодология», «гуманистическая социология», «рефлексивная социология» и т. д. Единообразное понимание её методологии и перспектив отсутствует. Степень связи этих направлений с феноменологией различна и варьирует в зависимости от полноты понимания феноменологии. С точки зрения преданных приверженцев Э. Гуссерля, расхождения объясняются не вполне точным пониманием либо непониманием основополагающих идей феноменологии.

С. Ямагути выделяет четыре феноменологических направления. Первое направление – «феноменологическая» социология, представленная М. Вебером, У. Томасом и Дж. Мидом. Общим для них является акцентирование на сознании и субъективном смысле при объяснении социального действия. Прямая связь с философией Э. Гуссерля отсутствует, а такие принципиальные феноменологические проблемы, как естественное отношение и intersubjectивность, не субъективированы.

Второе направление возникло благодаря А. Шюцу и непосредственно применяет к социологии феноменологическую философию. А. Шюц как социолог стремился прояснить то, что Э. Гуссерль называл онтологией жизненного мира, то есть априорную структуру социального мира, в котором все социологические феномены происходят и понимаются. А. Шюц называл это конститутивной феноменологией естественного отношения. Такие сложные проблемы, как жизненный мир, intersubjectивность, естественное отношение и т. п., субъективированы. К представителям второго направления принадлежат П. Л. Бергер и Т. Лукманн.

Третье направление – «рефлексивная» социология, представленная Э. Гоулднером. В данном случае социология имманентна тому жизненному миру, который она изучает, одновременно выступая в качестве науки, осмысливающей этот жизненный мир. Тем самым рефлексивная социология отвергает представление об абсолютном наблюдателе. Наблюдатель должен в полной мере осознать ограниченность собственного существования. Данное направление оказывается феноменологическим постольку, поскольку старается понять мир в качестве либо аналога действий, совершаемых субъектом, либо их продукта и непрестанно доискивается до оснований, формирующих наше знание. В той мере, в какой мы разделяем такой подход, необходимо обратиться к рефлексии естественного отношения к повседневной жизни, где будем вынуждены решать проблему intersubjectивности между наблюдателем и наблюдаемым. Представителями

данного социологического направления выступают О'Нил, Д. Смит и А. Сикурел.

Четвертое направление – так называемая «этнометодология», которая, комбинируя социологию и феноменологию, создаёт собственную область исследований. Подобно феноменологии, отношение этнометодологии к своим объектам отличается от естественного отношения, то есть она воздерживается от того, чтобы считать объективный мир существующим самим по себе. Однако для феноменологии вероятный смысл мира заключен в интенциональности трансцендентального сознания, а для этнометодологии он выражен в коммуникативных практиках: объяснении, интерпретации, дедукции и т. д. тех акторов, которые образуют конкретные ситуации повседневной жизни. Этнометодология представлена работами Г. Гарфинкеля, М. Поллнера и др.

Статья С. Ямагути 1975 г. стала первой заметной попыткой познакомить японских читателей с концепцией А. Шюца. Затем последовали монографии К. Окуда (Okuda) «Культура и амбивалентность» («Bunka to gyougisei», 1975 г.), М. Ямагути (Yamaguchi) и Т. Ямагиси (Yamagishi) «Исследование социального мира» («Shakaiteki sekai no tankyuu», 1977 г.), Н. Симода (Shimoda) «Основания социологического мышления» («Shakaigakuteki shikou no kiso», 1978 г.).

Важным представляется высказанное С. Ямагути утверждение о метасоциологической точке зрения. Понятие о метасоциологии исходит из того, что концепция А. Шюца в равной мере с этнометодологией представляют собой социологию без общества, поскольку в них недооценивается intersubjectивно-объективная сторона смыслового контекста общества (Sinnzusammenhang), которая оказывается латентной по отношению к субъективному смыслу действия. Феноменологическая социология могла бы начать с отыскания точки контакта с анализом макросоциальных структур при помощи герменевтического раскодирования подобного смыслового контекста. С. Ямагути ведёт критику А. Шюца с метасоциологических позиций, но при этом ему удаётся увлечь читающую публику феноменологической социологией А. Шюца, прежде всего, благодаря тому, что С. Ямагути создаёт удобную для читателя карту мира феноменологической социологии.

При сравнении метасоциологии С. Ямагути и феноменологической социологии А. Шюца следует обратить внимание на следующее. Во-первых, подобно тому, как в своё время Ю. Хабермас опрочел А. Шюца анализом сознания, С. Ямагути преувеличил субъективную сторону его теории. На фоне объективистской функционалистской американской социологии А. Шюц действительно выглядит субъективистом. Во-вторых, необходимо прояснить отношения между вторым направлением в социологии, определенным как онтология жизненного мира или конститутивная феноменология естественного отношения, и ме-

тасоциологией, которая определяется по-разному, например, как социология социологии, знание о базовых формах понимания и т. п.

Начиная с конца 1970-х гг. и на всём протяжении 1980-х гг. феноменологические социологические исследования в Японии процветали. На ежегодных собраниях Японского социологического общества из года в год делались доклады об А. Шюце и феноменологической социологии. Состоялось несколько симпозиумов. В 1980 г. молодые социологи учредили Общество исследований по феноменологической социологии (Genshogakuteki shakaigaku kenkyukai). В декабре 1983 г. учреждено Японское общество феноменологии и социальных наук (Nihon genshogaku shakaikagakukai).

Из всего многообразия исследований А. Шюца в Японии в 1980-е гг. наиболее значительным представляется монография Вагату Хиромачу (Hiromatsu) «Genshogakuteki shakaigaku no sokei – Alfred Schutz kenkyu-noto» («Прототип феноменологической социологии – исследовательские заметки об Альфреде Шюце»), опубликованная в 1991 г.¹ Несмотря на то что автор избрал жанр исследовательских заметок, ему удалось вычленил и далее развить основные положения концепции А. Шюца. Особого внимания заслуживает рассмотрение В. Хиромачу следующих двух проблем: во-первых, осмысление труда А. Шюца «Смысловая структура социального мира»; во-вторых – критика А. Шюца с позиций марксистской социальной философии, в особенности критические замечания по поводу проблемы А. Шюца и М. Вебера.

В. Хиромачу расценивает произведение «Смысловая структура социального мира» в качестве прототипа феноменологической социологии, который получил широкое признание среди учёных первого эшелона не в одной лишь социологии, но вообще в социокультурных исследованиях. Однако многие места затруднены для понимания по причине философских нагромождений. Задача философа – облегчить читателям детализированное восприятие текста А. Шюца. Лучше всего справиться с данной задачей удаётся благодаря жанру исследовательских заметок.

Восемь глав книги В. Хиромачу посвящены поставленной цели: «Проект социальной философии А. Шюца», «Компоновка социальной философии А. Шюца», «А. Шюц и тень А. Бергсона», «О понимании А. Шюцем Другого» (две главы), «Шюцева теория мира непосредственно переживаемой реальности», «Шюцева теория мира современности», «Исследование А. Шюцем понимающей социологии».

Две трети текста книги В. Хиромачу отведено прямым цитатам из «Смысловой структуры социального мира», переведенным собственноручно с немецкого оригинала. Однако, поскольку книга В. Хиромачу написана полуклассическим стилем японского языка, не все авторские комментарии

удаётся понять. В. Хиромачу пришлось затратить немало сил для перевода на японский язык таких терминов, как Umwelt, Mitwelt, Vorwelt, Nachwelt, Handeln, Handlung и т. п. Иногда он слишком буквально трактует определения, педантично вникая в смыслы слов, (например, объяснение слова kontinuierlich занимает три страницы). Поэтому при чтении книги В. Хиромачу возникает полное ощущение того, что читаешь текст самого А. Шюца. Сложно найти сравнительный аналог столь кропотливо выполненному исследованию.

Несмотря на столь трепетное отношение к «Смысловой структуре социального мира», В. Хиромачу воспринимает А. Шюца критически. Его критика А. Шюца переходит вообще на всех социологов, которые являются сторонниками социологической теории социального действия. Из авторского предисловия явствует, что в то время В. Хиромачу планировал аналогичный проект, посвященный исследованию М. Вебера, Дж. Мида и Т. Парсонса, который он собирался назвать «Исследовательские заметки о теории социального действия».

Корректная критика А. Шюца со стороны В. Хиромачу требует понимания того, к какой цели стремится японский учёный, критикуя теорию социального действия. В. Хиромачу является сторонником отрицания концепции Э. Дюркгейма, которая представляет собой самодостаточный социальный физикализм объективно установленных социальных феноменов, и концепции М. Вебера, ориентированной на понимание субъективно реализуемого смысла атомов, то есть индивидов и их действий, через преодоление оппозиционной парадигмы (гиподигмы) субстанциализма общества – субстанциализма индивида, которая лежит в основании обеих концепций. В. Хиромачу стремится к отрицанию современного взгляда на человека и общество, его критические замечания в отношении А. Шюца и М. Вебера исходят из этой практико-теоретической точки зрения.

Критика А. Шюца со стороны В. Хиромачу такова. А. Шюц допускает, что М. Веберу удалось определить окончательную исходную точку любой адекватной теории в социальных науках. Исходя из этого допущения, А. Шюц предпринимает скрупулёзный анализ субъективного смысла – центрального понятия в концепции М. Вебера. В. Хиромачу задаётся вопросом о том, насколько успешна преемственность концепции А. Шюца по отношению к понимающей социологии М. Вебера, если отнестись к усилиям А. Шюца под критическим углом зрения, предполагающим отрицание упомянутой выше оппозиционной гиподигмы современного взгляда на человека и общество? Он считает оправданным утверждение, что М. Веберу удался онтологический прорыв сквозь рамки субстанциализма индивида, но, исчерпав индивидуализм, М. Вебер исчерпал себя. Нет никакого сомнения, что теории социального действия М. Вебера требуется новый

метод. В этой связи усилия А. Шюца по философскому обоснованию понимающей социологии М. Вебера и её преемственному развитию в методологическом отношении расширяют и делают более очевидными проблемы, присущие береговой парадигме.

За критикой со стороны В. Хиромаци скрывается важный вопрос понимания методологического проекта «Смысловой структуры социального мира». Следует ли расценивать данный труд в качестве философского обоснования теории социального действия М. Вебера с привлечением для этого трансцендентальной феноменологии Э. Гуссерля? В роли критического наследника М. Вебера А. Шюц благополучно существует в мире трансцендентальных эго и индивидуального субстанциализма, всерьёз занимаясь проблемой интерсубъективности. Но это интернациональная интерсубъективность на когнитивном уровне, а не интеракция на онтологическом уровне.

Тем не менее философская интерпретация В. Хиромаци способствовала тому, что на протяжении 1980-х гг. в Японии труды А. Шюца были широко восприняты в качестве попытки описания устройства социального мира в форме смыслового контекста актов индивидуального сознания. Сложилось своего рода трио: Ю. Хабермас в 1960-х гг. определил феноменологическую социологию как анализ сознания; в 1970-е С. Ямагути сформировал образ субъективиста А. Шюца; в 1980-е – В. Хиромаци сформулировал проблему А. Шюца как трансцендентальное эго в гуссерлианском смысле. Такое более-менее преувеличенное представление об А. Шюце и его феноменологической социологии глубоко проникло в японскую социологию и другие общественные науки, предопределив ситуацию с исследованиями А. Шюца.

Однако в 1990-е гг. ситуация стала меняться. Появились новые материалы, и специалисты-шюцеведы опубликовали несколько серьёзных исследований. В 1994 г. Масатака Катагири (Katagiri) опубликовал монографию «Schutz no shakaigaku» («Социология А. Шюца»), в 1995 г. Мототака Мори (Mori) – «Alfred Schutz no Uien» («Альфред Шюц в Вене»), в 1997 г. Хисаси Насу (Nasu) – «Genshogakuteki shakaigaku heno michi» («Метод феноменологической социологии»), в 1998 г. Кадзухиса Нисихара (Nishihara) – «Imi no shakaigaku – Genshogakuteki shakaigaku no bouken» («Социология смысла – приключение феноменологической социологии»). В каждой из этих знаменательных публикаций представлено новое видение концепции А. Шюца.

В 1997 г. в университете Мусаси (Musashi) состоялся симпозиум Японской ассоциации изучения истории социологии на тему «Современное значение феноменологической социологии». Один из докладчиков, профессор К. Нисихара, наметил четыре проблемы, над которыми в будущем предстоит работать исследователям А. Шюца.

Первая проблема – проследить идеи А. Шюца в имманентном процессе их развития. Вторая проблема – проследить отношение А. Шюца к его интеллектуальным предшественникам, современникам и последователям, в особенности среди феноменологов и социологов. Третья проблема – история принятия концепции А. Шюца социологией с фокусом на социологической теории. Четвертая проблема – в каком направлении следует продолжать дискуссию об А. Шюце: либо критическая преемственность, либо преемственное развитие его концепции.

Некоторые проблемы, поставленные К. Нисихара, уже находят своё решение в США и в Европе, расширяя интеллектуальные горизонты шюцеведения. Сам К. Нисихара занимается четвёртой проблемой, которой посвящена его монография «Социология смысла – приключение феноменологической социологии»², выступив последователем покойного В. Хиромаци.

Монография М. Мори «Альфред Шюц в Вене»³ имеет подзаголовок «Идея либерального превращения обществоведения и его цикл». Автором собрана уникальная коллекция документов, проливающих свет на формирование мышления А. Шюца в его бытность в Вене (1889–1938 гг.), на то, в каких обстоятельствах была написана «Смысловая структура социального мира», как А. Шюц отстаивал собственную точку зрения на так называемую феноменологическую социологию.

Многостраничный том (748 страниц) разделён на четыре части и десять глав. Часть первая «Полемика о социальном приёме» включает главы «А. Шюц в столичном городе Вене», «Основные республиканские идеи», «Социологический спор о политике», «Эпоха терапевтического нигилизма». Вторая часть «Основные течения социологической мысли в Вене в двадцатые годы» содержит главу «Тупик социальной теории, основанной на эпистемологической критике». Третья часть «Попытка превращения, которую предпринял А. Шюц – концепция конститутивной теории социального мира» состоит из глав «Четыре рукописи двадцатых годов», «Влияние Макса Вебера», «Смысловая структура социального мира». Четвертая часть «Либерализм как метафора» содержит главы «Между социальной наукой и идеалистической философией», «Начало и конец нового мира».

Уникальность монографии М. Мори в её авторском замысле показать развитие концепции А. Шюца на фоне Вены 1920-х гг. – места, где кипела интеллектуальная жизнь, о чём сегодня забыли. Проведённый в Вене и Нью-Йорке историко-социологический анализ оказывает нам А. Шюца – учёного-обществоведа в контексте грандиозных событий той эпохи, и одновременно знаменует новую эпоху – глобализации социологических исследований.

Дальнейшему распространению идей А. Шюца в Японии способствовало новое поко-

ление японских переводчиков, благодаря скромному труду которых его произведения сделались намного ближе к японскому читателю. Японские учёные-шюцеведы поддерживают тесные контакты с коллегами из США и Европы. В будущем предстоит высвободить А. Шюца из-под эпистемологических чар В. Хиромацу. Для этого потребуется изменить парадигму и реконструировать Шюцеву онтологию жизненного мира уже не в качестве эпистемологической проблемы, но как антропологическую прагматическую проблему.

УДК 316.64

ИНСТРУМЕНТАЛЬНЫЙ ХАРАКТЕР ОБРАЗОВАТЕЛЬНЫХ СТРАТЕГИЙ УЧАЩЕЙСЯ МОЛОДЕЖИ

И. Г. Малинский, С. В. Ситникова

Саратовский государственный университет

E-mail: mig@info.sgu.ru, skareva@yandex.ru

В статье представлен анализ характера образовательных стратегий учащейся молодежи г. Саратова. Рассмотрены основные мотивы получения профессионального образования.

Ключевые слова: образовательные стратегии, мотивация.

Instrumental Character of Educational Strategies of Young Students

I. G. Malinsky, S. V. Sitnikova

The article presents the analysis of educational strategies of young students, Saratov. Considered are the main motives of vocational education.

Key words: educational strategies, motivation.

Уровень общего и профессионального образования – одна из важных характеристик трудового потенциала личности. В то же время образование обеспечивает общий прогресс общества, служит основой развития личности работника и роста его квалификации.

Социологические исследования выявляют существенные творческие возможности рабочих с высоким профессиональным образованием¹.

Образование, как показывают исследования специалистов, является не только социокультурной, но и социально-экономической категорией. Ю. Ю. Серван-Шрайбер доказал, что успешное проникновение американцев на европейский рынок, в том числе в сферу организации новых предприятий было обусловлено тем, что США, в отличие от стран Европы, более широко осуществляли инвестиции в человеческий капитал, то есть в образование и науку².

Экономическая эффективность образования обосновывалась и многими российскими учеными, в частности С. Г. Струмилиным. Им была

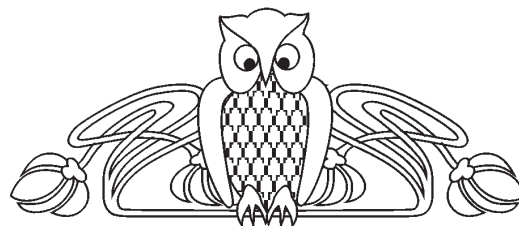
Для этого потребуется, как указал К. Нисихара, проследить идеи А. Шюца в имманентном процессе их развития.

Примечания

¹ *Hiromatsu W.* Genshogakuteki shakaigaku no sokei – Alfred Schutz kenkyu-noto. Tokyo : Seidosha, 1991.

² *Nishihara K.* Imi no shakaigaku – Genshogakuteki shakaigaku no bouken. Tokyo : Kobundo, 1998.

³ *Mori M.* Alfred Schutz no Uien. Tokyo : Shinhyoron, 1995.

предложена методика такого расчета степени важности среди всех источников повышения производительности труда, в котором образование делит второе-третье место с экономией средств и техническим преобразованием производства. Л. Кристенсен, Д. Камминг и Д. Йоргенсон определяют до 35% прироста среднегодового национального дохода на основе повышения уровня образования персонала³.

В условиях резкой ломки социально-экономических структур и отношений от современного человека требуется быстрая ориентация в происходящих изменениях, адаптация к ним, активность в поиске оптимальных решений. Таким образом, образовательный уровень служит основой квалификации человека и является необходимой предпосылкой его социально-профессиональной мобильности.

Анализ характеристик современной российской семьи⁴ выявил важную ценностную установку родителей на образование ребенка. Результаты анализа реального и желаемого финансового вложения саратовцев свидетельствуют о высокой рейтинговой позиции статьи вложения сбережений на образование свое и детей. При этом вариант «уже вложил за прошедший год» в обучение своих детей находится на 2-ом месте по упоминанию, уступая лишь на 1,0% варианту «откладываю, коплю».

Достаточно высокие проценты по указанным показателям, безусловно, свидетельствуют не только о ценности «образование» как декларируемой ценности общественного сознания, но и как реально осознанной, имеющей четкие и обоснованные ориентации, более того, выраженной в реальных действиях. Следует констатировать тот факт, что ценность наличия профессионального